

ментирован исключительно случай применения контрмер одним государством в отношении другого государства. В данном случае, вообще непонятно, в соответствии с какими нормами такую ситуацию можно квалифицировать как обстоятельство, исключающее ответственность. Можно предположить, что в данном случае вопрос о законности данных мер будет решаться на основании ПСОМО, а вопрос о квалификации их как обстоятельства, исключающего ответственность на основании обычных норм, в соответствии с которыми законная контрмера признается в качестве обстоятельства, исключающего ответственность.

Во-вторых, в обратной ситуации — в *случае принятия контрмер потерпевшей организацией по отношению к государству-нарушителю*, ПСОМО, наоборот, не регулирует условия законности таких контрмер. То есть данная ситуация подпадает под сферу охвата статьи 22, но не подпадает под сферу охвата статьями 51—57 ПСОМО.

2. Еще один вопрос, который встает в контексте рассматриваемой проблемы, — возможность применения организацией контрмер по отношению к своим членам, в случае если они нарушили обязательство по отношению к данной организации и несут за это ответственность.

Прежде всего, в этой связи необходимо провести разграничение между контрмерами и санкциями, которые организация может быть уполномочена принимать против своих членов в соответствии со своими правилами. В данном случае такие меры не могут быть приравнены к контрмерам, так как сами по себе являются законными, в то время как контрмера — это всегда нарушение обязательств принимающего такую меру субъекта.

Третья проблема касается самого процесса принятия контрмер международной организацией. Данный процесс, как отмечает ООН в своих комментариях к ПСОМО, «принципиально отличается от процесса, ведущего к принятию контрмер государствами» [док. ООН A/CN.4/637/Add.1., 2011]. Он будет носить централизованный характер в отличие от принятия контрмер государствами, когда контрмера принимается в одностороннем порядке и служит элементом децентрализованного механизма принуждения. В данном случае происходит определенное расхождение с общепринятым пониманием контрмер как индивидуальных мер принуждения.

АКТЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ

Зыбайло А. И., Белорусский государственный университет

Акты межгосударственных образований — довольно широкая категория, охватывающая широкий круг документов, принимаемых как международными организациями (СНГ, ЕврАзЭС), так и интеграционными объединениями, не имеющих статуса международной организации (Союзное государство Беларуси и России (далее — СГ), Таможенный союз (далее — ТС) и Единое экономическое пространство (далее — ЕЭП)). Для целей настоящей публикации сузим их понимание до решений органов международных интеграционных образований, независимо от их юридической природы, носящих нормативный характер, которые являются обязательными для государств-членов и действуют либо непосредственно (СГ, ТС и ЕЭП), либо после их имплементации в национальное законодательство (СНГ, ЕврАзЭС).

В отличие от Устава СНГ 1993 г., в Договоре об учреждении ЕврАзЭС 2000 г. прямо закреплено, что исполнение решений, принимаемых институтами ЕврАзЭС, достигается путем принятия необходимых мер *по их имплементации в национальное законодательство* (здесь и далее по тексту выделено автором. — А.З.). Полномочия по кон-

тролю за выполнением государствами-членами принятых на себя обязательств независимо от их правовой природы возложены на органы Сообщества в пределах их компетенции (п. 1 и 2 ст. 14 Договора об учреждении ЕврАзЭС 2000 г.).

Однако в законодательстве государств ЕврАзЭС механизм имплементации решений органов Сообщества не определен. Их статус в системе НПА государств-членов варьируется от признания за ними качества источников права второго (после законов, декретов и указов Президента, «международных договорных и иных обязательств» (Республика Беларусь)) и третьего (после Конституции и законов, принятых на референдуме (Таджикистан)) уровня до неопределенного указания на то, что они рассматриваются как часть права (правовой системы) (Казахстан).

В целях надлежащей реализации актов Сообщества следует установить единые правила их имплементации на национальном уровне, регламентировать их соотношение с НПА государств-членов. Более того, отсутствие единообразного подхода к соотношению международно-правовых актов Сообщества с НПА государств — членов ЕврАзЭС серьезно препятствует процессу дальнейшей интеграции с выходом на ее новую ступень — Евразийский союз.

В соответствии со статьей 5 Договора о Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК) 2011 г. Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, как *имеющие обязательный характер* для Сторон, так и рекомендации, не носящие обязательного характера. Решения Комиссии входят в договорно-правовую базу ТС и ЕЭП и *подлежат непосредственному применению* на территориях Сторон. Однако при этом Договором о ЕЭК 2011 г. не решен вопрос о соотношении юридической силы решений ЕЭК и норм национального права государств-членов.

Законы и декреты СГ предназначены для общего применения, являются *обязательными*... и после их официального опубликования подлежат *прямому применению* на территории каждого государства-участника. В этой же статье 60 Договора о создании СГ 1999 г. разъясняется, что «в случае коллизии нормы закона или декрета СГ и нормы внутреннего закона государства-участника преимущественную силу имеет норма закона или декрета СГ».

Если обратиться к опыту европейских государств, то возможность непосредственного (прямого) применения норм права ЕС санкционирована Конституциями государств — членов Европейского союза. На практике в период с 1964 по 1989 г. Суд ЕС доказал, что в целях эффективной интеграции государств — членов ЕС европейские акты — регламенты, директивы и учредительные договоры ЕС — должны иметь приоритет перед всеми остальными НПА, включая и конституции государств-членов. Соответствующие поправки были внесены в национальные конституции, например, в статье 23 Конституции ФРГ [Мишальченко Ю. В. Евразийское экономическое сообщество: Современное состояние и перспективы развития // Евразийский юридический журнал. — 2009. — № 7 (14)].

Следует иметь в виду, что законодательство четырех из пяти государств-членов ЕврАзЭС (Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан) допускает, что указанные государства могут участвовать в международных организациях с передачей части своих внутригосударственных полномочий и предоставлением органам международной организации права принимать юридически обязательные для государств-членов решения. Однако порядок применения таких решений на территориях указанных государств их законодательством не установлен. В Республике Беларусь ни Конституция, ни иные НПА Республики Беларусь не предусматривают возможности непосредственного применения актов, принятых органами межгосударственных образований, и юридически обязательных для Республики Беларусь.

Юридическая сила такого рода актов в правовой системе Республики Беларусь может быть выведена из полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь давать заключения о соответствии *актов межгосударственных образований*, в которые входит Республика Беларусь, Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам и декретам Президента (п. 4 ст. 116 Конституции Республики Беларусь). Таким образом, акты межгосударственных образований в иерархии НПА стоят ниже, чем Конституция, ратифицированные международные договоры, законы и декреты Президента. Однако, как уже неоднократно отмечалось белорусскими исследователями, норма ст. 116 Конституции Республики Беларусь адресована исключительно Конституционному Суду.

Полагаем, что в целях надлежащей реализации актов межгосударственных образований, участницей которых является Республика Беларусь, их правовой статус должен быть закреплен нормативно, определена их иерархия в соотношении с НПА Республики Беларусь в Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее — Закон об НПА).

До внесения соответствующих изменений и (или) дополнений преодоление пробелов может осуществляться путем использования институтов аналогии закона и аналогии права (ст. 72 Закона об НПА). Таким образом по отношению к таким актам, имеющим обязательный характер для Республики Беларусь (например, решения ЕЭК, законы и декреты СТ), может быть применен механизм имплементации международных договоров Республики Беларусь, в частности, статей 20—22 Закона об НПА.

ПАРАЎНАННЕ ІНСТЫТУЦЫЙНАЙ СТРУКТУРЫ ЕЎРАПЕЙСКАГА САЮЗА І АДЗІНАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ПРАСТОРЫ

Карлюк М. У., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Глыбокая інтэграцыя дзяржаваў патрабуе адпаведнай інстытуцыйнай структуры. Эфектыўнае функцыянаванне інтэграцыі немагчыма без інстытуцыйнага балансу. Гэты прынцып дзейнічае ў Еўрапейскім саюзе (ЕС), аднак, фармальна яшчэ не замацаваны ў рамках Адзіннай эканамічнай прасторы (АЭП) і мае шэраг праблемных момантаў на практыцы.

Судносіны інстытуцыяў і органаў ЕС з organami АЭП, прапанаваныя ніжэй, вельмі ўмёныя, бо існуюць істотныя функцыянальныя і сутнасныя адрозненні.

Вышэйшы ўзровень інтэграцыйных органаў — гэта Еўрапейскі савет ў ЕС і Вышэйшы Еўрапейскі эканамічны савет (ВЕЭС) ў АЭП. Еўрапейскі савет не валодае такімі ж шырокімі паўнамоцтвамі, якімі валодае ВЕЭС, хоць грае асноўную ролю ў фармаванні ўсёй палітыкі ЕС. Ён з'яўляецца цэнтральнай інстытуцыяй для развіцця ЕС, пацвярджае важныя змены ў інстытуцыйнай структуры ЕС і г. д., але не мае заканадаўчых паўнамоцтваў. ВЕЭС фактычна вызначае любыя пытанні ў рамках функцыянавання АЭП. Наяўнасць такіх шырокіх паўнамоцтваў кажа пра нежаданне ці негатовасць перадаць кампетэнцыі наднацыянальным інстытуцыям.

Еўрапейская эканамічная камісія (ЕЭК) — фармальна наднацыянальны выканаўчы орган АЭП. ЕЭК складаецца з Савета і Калегіі. На наш погляд, менавіта Калегія ЕЭК, а не ўся ЕЭК і, тым больш не Савет ЕЭК, з'яўляецца асноўным адпаведнікам Еўрапейскай камісіі ў ЕС як наднацыянальнага органа. Еўрапейская камісія — гэта наднацыянальны орган ЕС, які з'яўляецца рухавіком інтэграцыі і мае істотныя адміністрацыйныя, выканаўчыя і бюджэтныя паўнамоцтвы, а таксама сочыць за выкананнем права ЕС. Падобныя палажэнні ўтрымліваюцца і ў якасці асноўнай задачы ЕЭК: яна забяспечвае ўмовы функцыянавання і развіцця МС і АЭП, а таксама выпрацоўвае прапановы ў сферы эканамічнай інтэграцыі ў рамках АЭП.